

МАКСИМ ФОМИН

Роман-расследование

СМЕРТЬ НА БРОУД ПИК

ГОРА-УБИЙЦА. 8047 МЕТРОВ.
ДЕСЯТЬ АЛЬПИНИСТОВ.
ДВАДЦАТЬ СЕКУНД

18+

Максим Фомин

Смерть на Брод-Пик

«Автор»

2026

Фомин М. В.

Смерть на Броуд-Пик / М. В. Фомин — «Автор», 2026

«10 альпинистов. 20 секунд. Одна лавина...» Тридцатого июля на склоне Броуд-Пик бесследно исчезли десять человек. Среди них — Нирмал Шакья, легенда мирового альпинизма, человек, покоривший тринадцать восьмитысячников без кислорода. Официальная версия: несчастный случай. Но журналист Джеймс Харрисон получает дневник погибшего участника экспедиции и понимает: трагедия не была случайной. Кто знал о смертельной опасности и промолчал? Почему лучший альпинист мира пошел на верную смерть, хотя дома его ждали жена и маленькая дочь? И главное — что заставляет человека идти вверх, когда все внутри кричит «стой»? «Смерть на Броуд-Пик» — это роман-расследование, основанное на реальной трагедии 2026 года. Это история о цене мечты, о голосах, которые не замолкают даже после смерти, и о том, как иногда самое трудное — не подняться на вершину, а сказать «нет». Прочитайте эту книгу. И вы никогда не посмотрите на горы прежними глазами.

© Фомин М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Юридический дисклеймер	5
Об авторе	6
Пролог	11
Предисловие	12
Вступление	13
Часть первая. Навстречу горе	14
Часть вторая. Тень горы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Смерть на Броуд-Пик

Юридический дисклеймер

Эта книга — художественное произведение, вдохновленное реальной трагедией, произошедшей 30 июля 2026 года на склоне Броуд-Пик, в результате которой погибли десять альпинистов.

Все персонажи, их имена, биографии, профессии, семейное положение, внутренние переживания, диалоги и личные истории являются плодом авторского воображения. Имена изменены. Биографии намеренно сделаны далекими от реальных.

Ни один персонаж не является портретом конкретного погибшего альпиниста. Любое возможное сходство с реальными людьми — живыми или ушедшими — является случайным и непреднамеренным.

Автор сознательно избегал точного воспроизведения биографий, характеров и личных качеств реальных участников трагедии, чтобы создать собирательные художественные образы, а не документальные портреты.

При этом фактические обстоятельства трагедии — дата, место, хронология событий, погодные условия, GPS-данные и другие детали, известные из открытых источников и официальных отчетов, — восстановлены с максимально возможной достоверностью.

Автор стремился точно описать, как это могло происходить, но не претендует на знание того, что именно чувствовали и думали реальные участники событий.

Эта книга не является документальным расследованием, журналистским отчетом или официальной версией событий. Она не претендует на истину в последней инстанции.

Автор выражает глубокое уважение памяти погибших альпинистов, их семьям, друзьям и всему альпинистскому сообществу. Эта книга написана с чувством глубокого сострадания к тем, кто потерял близких в горах, и не имеет цели оскорбить чью-либо память или причинить дополнительную боль.

Об авторе

Максим Фомин — российский писатель, публицист и альпинист, человек, чья жизнь с детства разделена между двумя стихиями: словом и камнем. Он родился в 1974 году в небольшом уральском городе Карпинске, где небо вечно затянуто дымкой, а за горизонтом уже угадываются силуэты гор.

Там, среди суровой северной природы, впервые проснулась в нем любовь к высоте — та самая, что позже приведет его на самые опасные вершины планеты.

Окончив технический вуз, Максим долгие годы работал на шахтах, спускаясь под землю и познавая иную, противоположную сторону нашей планеты. Но горы звали его снова и снова.

Именно эта двойственность — глубина и высота, тьма и свет — сформировала его уникальный взгляд на мир, который впоследствии нашел отражение в его прозе.

Он писал о том, что видел и чувствовал: о людях, которые бросают вызов стихии, о цене мечты, о тонкой грани между жизнью и смертью, где каждый шаг может стать последним.

Более двадцати лет Максим посвятил литературе о горах и людях, которые их покоряют. Его перу принадлежат десятки статей, очерков и репортажей, публиковавшихся в ведущих российских и зарубежных изданиях. Но за письменным столом он никогда не забывал о том, что настоящая жизнь происходит там, наверху, среди льда и ветра.

Максим лично участвовал в экспедициях на Эверест (2019), К2, Макалу и другие восьмитысячники. Он знает, как звучит тишина на высоте восьми километров, как дышит гора перед бурей и как тяжело прощаться с теми, кто остался на склонах навсегда.

Его первая книга «Эверест. Дотянуться до Небес» стала бестселлером в России, была переведена на несколько языков и завоевала сердца читателей по всему миру. В ней он рассказал о том, что стоит за громкими заголовками и рекордами, — о страхе, одиночестве и той невероятной силе, которая заставляет человека идти вверх, когда все внутри кричит «стой».

Роман «Смерть на Броуд-Пик» — его второе крупное художественное произведение, в основе которого лежат реальные события, потрясшие альпинистское сообщество в 2026 году.

Это книга-исповедь, книга-предупреждение, книга-память. Она не оставляет равнодушным никого, кто когда-либо задумывался о том, как далеко можно зайти в погоне за мечтой и какую цену за это приходится платить.

Сегодня Максим Фомин живет на Урале, в городе на границе Европы и Азии, где восточный ветер приносит запах тайги, а западный — шум мегаполиса. Он продолжает писать, потому что слова — это его способ дышать. И продолжает ходить в горы, потому что только там, среди льда и камня, он чувствует себя по-настоящему живым.

Его книги — это не просто истории о восхождениях. Это разговоры с самим собой. Это попытка ответить на вопросы, которые не дают покоя ни одному альпинисту: «Зачем?», «Почему?», «Стоит ли?» И, возможно, каждый читатель найдет в них свой собственный ответ.

Максим считает, что горы — это не только испытание на прочность, но и школа смирения. Они учат нас уважать себя, других и ту тонкую грань, за которой начинается вечность. И он надеется, что его книги помогут кому-то сделать правильный выбор — даже если этот выбор означает сказать «нет» и остаться в живых.

Они остались на Броуд-Пик

Десять человек. Десять жизней. Десять судеб,
оборванных за двадцать секунд.

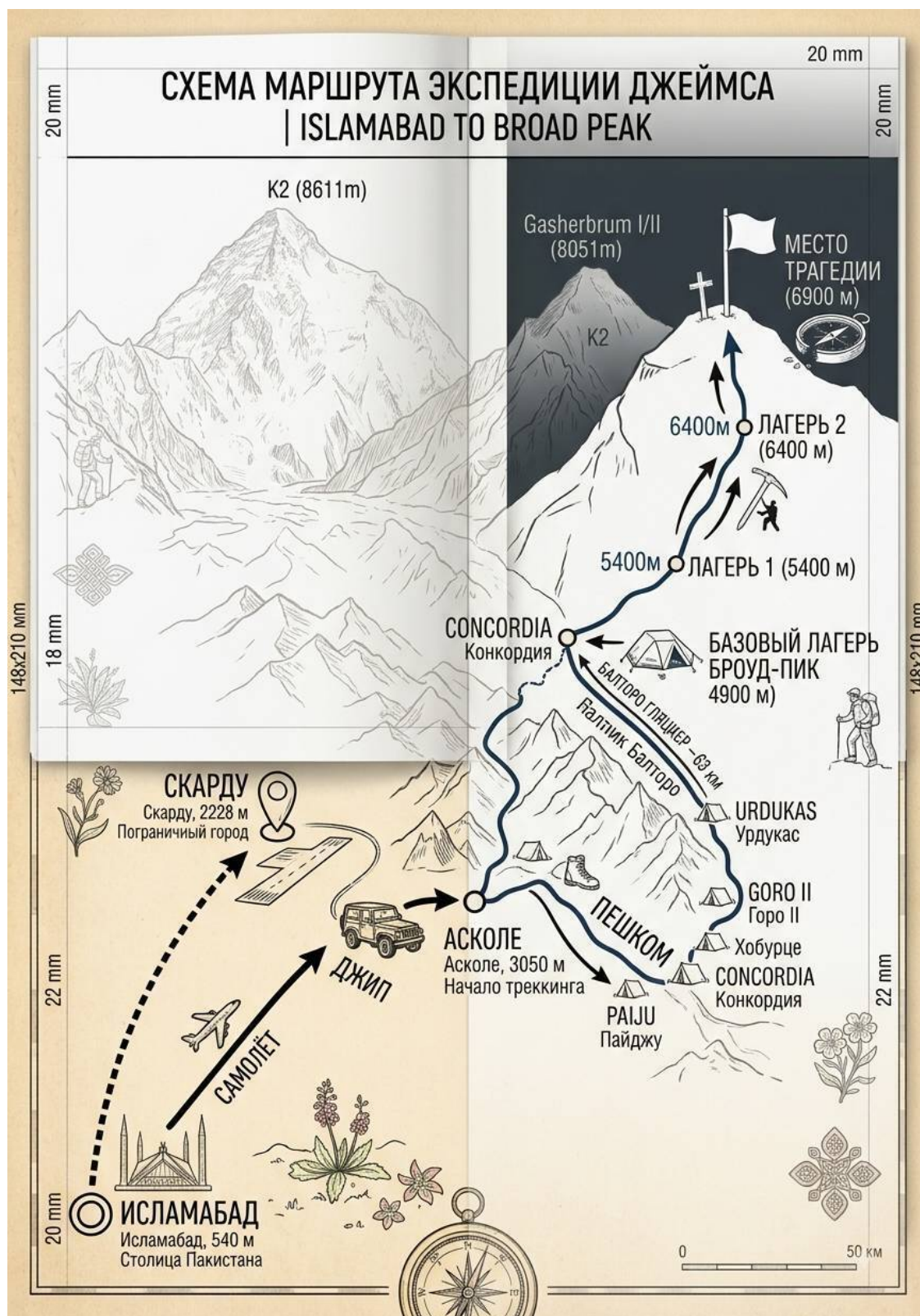

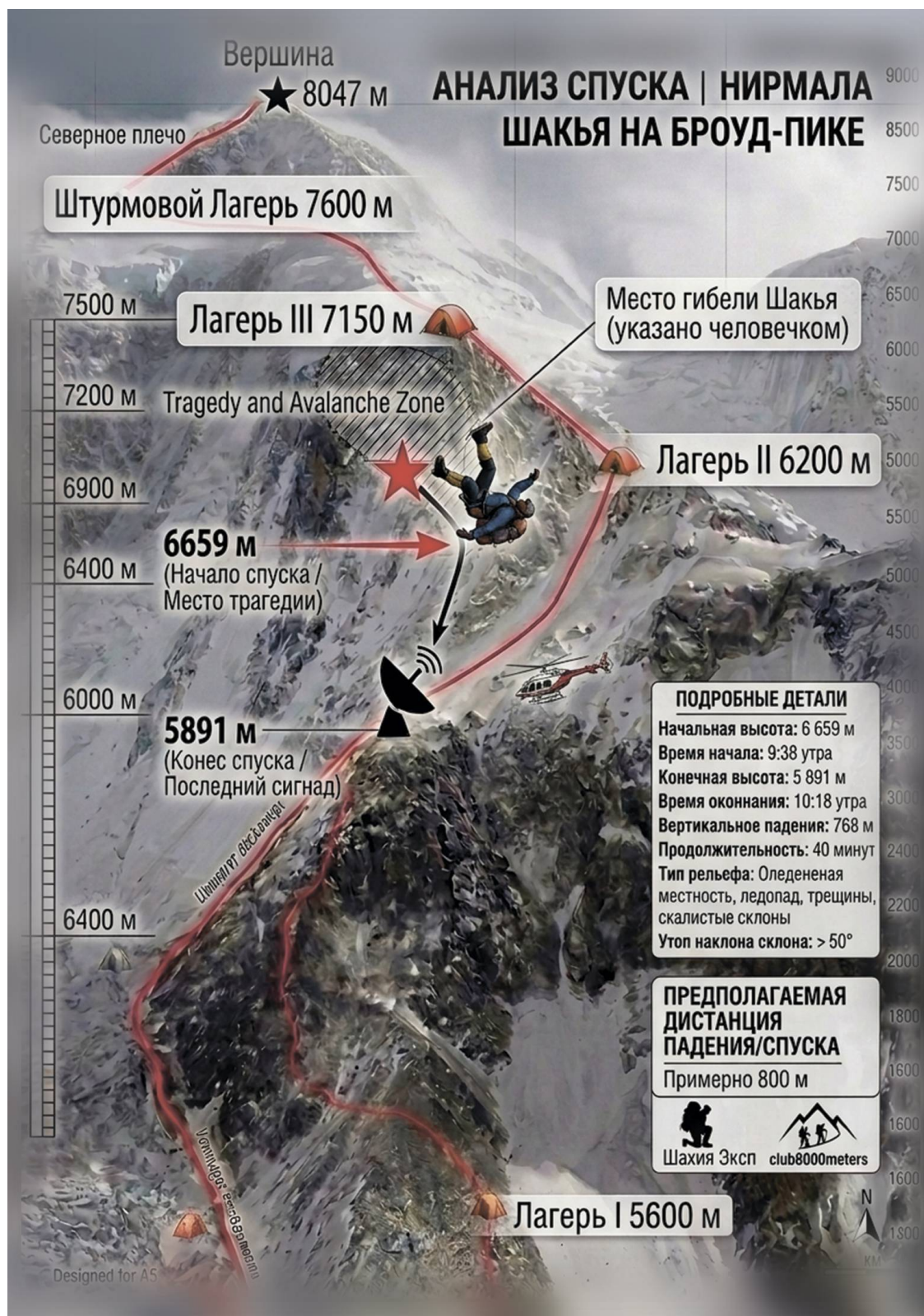
Имя	Возраст	Страна
Нирмал Шакья	43	Непал
Тензинг Дордже	38	Непал
Анита Шарма	36	Индия
Ван Линь	31	Китай
Саид Аль-Хасан	46	Оман
Пасанг Шерпа	29	Непал
Мингма Гьялцен	31	Непал
Лхапа Шерпа	34	Непал
Тензор Норбу	34	Непал
Марк Дэвис	41	Великобритания

Они ушли в горы.
Они не вернулись.
Но они не забыты.

Хронология событий

- 30 июля 2026 ○ Трагедия на Броуд-Пик. Десять альпинистов погибли под лавиной.
- 2 августа 2026 ○ Джеймс Харрисон узнаёт о трагедии из новостей.
- Август 2026 ○ Джеймс получает звонок от Сары Дэвис и дневник Марка.
- Сентябрь 2026 ○ Джеймс прилетает в Пакистан. Встречи с Асламом, Фатимой, Захидом. Путь к Базовому лагерю.
- Сентябрь 2026 ○ Джеймс в Базовом лагере. Находит записку Нирмала. Выход на высоту 6900 м.
- Сентябрь 2026 ○ Встреча с Лобсангом в Исламабаде.
- Октябрь 2026 ○ Возвращение в Скарду. Показания выживших.
- Ноябрь 2026 ○ Джеймс в Лондоне. Пишет книгу.
- Ноябрь 2026 ○ Встреча с Санджаной и Ааруши в Катманду.
- Декабрь 2026 ○ Публикация книги «Смерть на Броуд-Пик».
- Май 2027 ○ Джеймс возвращается в Скарду. Каменный курган. Прощание.
- Июль 2027 ○ Эпилог. Размышления о цене мечты.
- Август 2027 ○ Послесловие. Письмо Санджаны. Финальная сцена.

Пролог

Броуд-Пик. Каракорум, Пакистан. 18–30 июля 2026 года

Гора начала готовиться к встрече с ними за две недели до того, как они ступили на ее склоны.

С 18 июля над Каракорумом разверзлось небо. Штормы приходили один за другим — тяжелые, свинцовые, безжалостные. Ветер достигал ста километров в час, срывая снег с гребней и швыряя его в лица тем, кто еще оставался в Базовом лагере.

Видимость падала до нескольких метров. Палатки трещали по швам. Ледник под ногами гудел, как живое существо — низко, глухо, предупреждая.

Но гора не просто бушевала. Она накапливала.

Снег падал дни напролет. Он ложился на склоны мягким, предательским одеялом — белым, искрящимся, обманчиво красивым. Он заполнял трещины, сглаживал карнизы, укрывал ледяные глыбы.

Каждый новый слой ложился на предыдущий, и под этой пушистой, нетронутой поверхностью росла смертельная сила. Тонны снега. Тонны льда. Тонны тишины, которая ждала своего часа.

К 29 июля снегопад прекратился. Небо осталось серым — не ясным, не темным, а тем особым цветом, который бывает перед бедой. Гора затаилась. Она перестала дышать. Она просто ждала.

Тридцатого июля, в 5 утра, они вышли из Лагеря 2. Десять человек. Десять жизней. Десять судеб, еще не знающих, что через четыре с половиной часа все оборвется.

В 9:30 утра, на высоте 6600 метров, между вторым и третьим лагерями, гора сделала свой шаг. Лавина сошла внезапно — не стеной снега, как в фильмах, а сдвигом. Треском. Ударом.

Толща льда и снега, накопленная за две недели, дрогнула и начала движение. Она сметала их с гребня за двадцать секунд. Никто не успел закричать. Никто не успел убежать. Никто не успел попрощаться.

В Базовом лагере еще не знали об этом. Начало поисков было отложено — погода не позволяла поднять вертолеты. Спасатели пошли пешком. Снег был слишком рыхлым. Тропы слишком опасными.

Только через пять дней нашли тела. Они лежали на поверхности — одна веревка все еще удерживала их вместе. Как братья. Как те, кто пошел на смерть.

Гора сделала свое дело. И затихла.

Предисловие

Северный Урал. Россия. Сентябрь 2026 года

Я сижу в своей квартире на четвертом этаже. За окном — серое уральское небо, привычное, родное. Дождь барабанит по стеклу, и капли стекают вниз, как слезы. Я смотрю на фотографию, которая лежит передо мной на столе.

На ней — десять человек. Они улыбаются. Они стоят у подножия Броуд-Пик, обняв друг друга за плечи. Их глаза горят тем особенным светом, который бывает только у людей, одержимых мечтой. Они еще не знают, что через несколько дней умрут.

Я знаю их имена. Я знаю их истории. Я знаю, что они чувствовали в последние минуты своей жизни. Я говорил с теми, кто был рядом. Я читал их последние сообщения. Я смотрел на GPS-трекеры, которые показывали их последние координаты — сначала живые точки, движущиеся вверх по склону, потом неподвижные, потом исчезнувшие навсегда.

Прошло два месяца с тех пор, как мир узнал о трагедии. Тридцатого июля 2026 года десять альпинистов погибли на склоне Броуд-Пик. Среди них был Нирмал Шакья — человек, которого называли «тигром Гималаев».

Он покори́л тринадцать восьмитысячников без кислорода. Он был владельцем «Himalayan Legacy» — одной из самых успешных альпинистских компаний в мире. Он был легендой.

Но легенды не бессмертны. Они просто уходят раньше, чем мы готовы их отпустить.

Я не был там. Я не слышал их криков. Я не видел, как лавина стерла их с лица горы за двадцать секунд. Но я знаю эту гору. Я знаю этот ветер. Я знаю эту тишину, которая звенит в ушах, как колокол.

Я — Максим Фомин. Российский писатель и альпинист. И это моя книга. Но я не был на Броуд-Пик в тот день. Я не знал Нирмала лично. Я узнал о трагедии из новостей, как и все.

Историю, которую вы прочитаете, расскажет Джеймс Харрисон — британский журналист, который взялся за расследование гибели десяти альпинистов. Он был на Броуд-Пик. Он говорил с выжившими. Он прошел по следам тех, кто не вернулся. Он нашел правду, которую скрывали от мира.

Я написал эту книгу, потому что не мог молчать. Потому что их история должна быть рассказана. Не как сухая хроника событий. Не как отчет о несчастном случае. А как история о людях, которые ушли в горы и не вернулись. О том, как мечта превратилась в смертельную ловушку. О том, как гора, которую они так любили, стала их могилой.

Эта книга — не документальное расследование. Это художественное произведение. Все персонажи, события и диалоги являются плодом авторского воображения. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, случайно.

Но это и не просто выдумка. Это история, которая могла случиться. Которая случается каждый год в горах по всему миру. Это предупреждение. Это памятник. Это крик, который не должен замолкнуть.

Я написал эту книгу для тех, чьи имена остались а снегах. Для тех, кто ждал и не дождался. Для тех, кто продолжает идти в горы, зная, что может не вернуться.

Потому что иногда мечта стоит жизни.

Вступление

Броуд-Пик. Высота 8047 метров. Каракорум, Пакистан. 30 июля 2026 года

Каракорум — это не просто горы. Это мир, где земля разрывает небо. Здесь воздух такой тонкий, что каждый вдох — борьба. Здесь солнце жжет кожу, но ветер пронизывает до костей. Здесь камни помнят шаги тех, кто остался на склонах навсегда.

Каракорум не прощает. Здесь воздух становится врагом, а снег — могилой. Ветер не просто дует — он живет, дышит, запоминает каждого, кто ступал на эти склоны. Он помнит их шаги, их голоса, их последние слова. Горы здесь не просто стоят — они ждут. Они наблюдают. Они знают, кто придет, и знают, кто останется.

Ледники сползают с вершин, как гигантские языки, оставляя за собой морщины из камня и льда. Реки, рожденные из тающего снега, несут мутную воду вниз, в долины, где зелень еще сопротивляется суровости высоты. Ледяные карнизы нависают над пропастью. Снежные мосты скрывают трещины глубиной в сотни метров. Здесь все дышит ожиданием.

Броуд-Пик стоит в тени своего грозного соседа — К2, самой опасной горы на планете. Но это не делает его безопасным. Его северо-западный гребень — это лезвие ножа, по которому идут альпинисты, зная, что один неверный шаг может стать последним.

Тридцатого июля они вышли на штурм. На высоте 6600 метров, между вторым и третьим лагерями, воздух был разрежен до предела. Десять альпинистов двигались вверх по западному гребню. Они шли уже шесть часов.

Их ноги увязали в глубоком снегу, мышцы горели от напряжения, а легкие хватали воздух короткими судорожными глотками. Они шли за мечтой, за рекордом, за обещанием, которое дали себе и другим. Они не знали, что гора уже сделала свой выбор.

Впереди шел Нирмал Шакья — владелец «Himalayan Legacy», легенда мирового альпинизма. Он знал, что идет на риск. Знал, что Броуд-Пик коварен. Знал, что лавины здесь сходят часто. Но он не мог остановиться. Слишком многое было поставлено на карту. Слишком долго он шел к этой цели. Слишком близко была победа.

Дома его ждали жена Санджана и семилетняя дочь Ааруши. Он обещал им, что это восхождение — последнее. Что после Броуд-Пик он завершит свою программу — все четырнадцать восьмитысячников мира без кислорода, — вернется домой и больше не будет уходить надолго. Он обещал быть рядом. Смотреть, как растет Ааруши. Держать Санджану за руку.

Они не знали, что этот день станет их последним. Что гора, которую он так любил, уже готовилась принять их. Что через несколько часов десять жизней погаснут за двадцать секунд.

Часть первая. Навстречу горе

Асколе — Джулу — Пайю — Кобуртсе — Урдукас. Июль 2026 года

За несколько дней до того, как все случилось, они вышли затемно. Десять человек. Десять фонариков, дрожащих в предрассветной мгле. Их шаги отдавались эхом по каменистой тропе, и ветер доносил до них запах сухих трав и далекого снега.

Впереди шел Нирмал. Он не оборачивался. Он знал, что они идут за ним. Он всегда знал.

Рядом с ним — Тензинг. Лучший друг. Брат по духу. Он шел молча, как всегда, и его дыхание было ровным, размеренным. Иногда он поглядывал на Нирмала и улыбался — той спокойной, уверенной улыбкой, которая говорила: «Я с тобой. До конца».

За ними — остальные. Анита, которая то и дело поправляла рюкзак и что-то записывала в блокнот на ходу. Ван Линь, который уже задыхался на первых километрах, но не жаловался.

Саид, который то и дело поправлял лямки рюкзака и смотрел на вершины с таким благоговением, будто хотел запомнить их навсегда. Пасанг, который травил свои бесконечные истории, даже когда сил не оставалось даже на улыбку.

— ...и тогда я сказал ему: «Сахиб, если ты упадешь в трещину, я буду тебя ждать. Но если ты упадешь в трещину с моим далом, я тебя не прощу!» — Пасанг размахивал руками, изображая то шерпу, то падающего альпиниста, то разбитую миску.

Саид смеялся громче всех — он был счастлив, он был здесь, наконец-то жил своей мечтой. Он продал бизнес, оставил жену и троих детей в Омани, чтобы идти к этой горе. И он не жалел ни о чем.

Ван Линь шел рядом с ним и улыбался, хотя ноги уже гудели от усталости. Он был самым молодым в группе. Ему было тридцать один. Он хотел стать самым молодым китайцем, покрывшим все четырнадцать восьмидесяти тысячников.

Его жена была на седьмом месяце беременности. Он не знал, что у него родится сын, который никогда не увидит отца.

Анита шла чуть позади, поправляя лямки рюкзака. Она смотрела на горы и улыбалась. Она мечтала об этом всю жизнь — увидеть Каракорум, почувствовать его холод, услышать его тишину.

Она хотела доказать всем, что женщина может быть там, где мужчины. Что горы не смотрят на пол. Они смотрят только на силу духа.

Мингма, Лхапа, Тензор — молчаливые, сильные, надежные, как скалы, на которые они ступали. Они не жаловались. Они просто шли. Они знали, что ждет их впереди. Они знали горы.

И Марк. Он шел последним, сжимая в руке камеру. Он снимал все — рассвет, горы, улыбки, тени, камни, ветер. Он хотел сохранить этот момент. Он не знал, что сохраняет их последние дни вместе.

Первая остановка была в Джулу — маленькой деревне, затерянной между скалами. Здесь был гостевой дом — низкое каменное здание с плоской крышей, где пахло дымом, бараньим жиром и сушеными абрикосами.

Они сидели на полу, скрестив ноги, и пили чай из глиняных чашек. Пасанг травил свои бесконечные истории, и его смех разносился по всему дому. Саид смеялся громче всех. Анита писала письмо матери. Ван Линь дразнил ее за это. Марк снимал все на камеру.

Только Нирмал молчал. Он сидел у входа, глядя на горы, и пил чай медленно, будто пробуя каждую секунду на вкус.

Тензинг подошел к нему и сел рядом.

— Ты не рад? — спросил он.

Нирмал повернулся к нему. В его глазах была усталость, которую Тензинг видел уже много раз. Но в этот раз она была другой. Глубже. Он будто нес в себе тяжесть, которую не мог сбросить.

— Рад, — сказал Нирмал. — Я всегда рад, когда иду в горы. Но я устал, Тензинг. Я устал быть тем, кого все ждут.

Тензинг молчал. Он знал, что слова сейчас не нужны. Они сидели в тишине, глядя на вершины, которые чернели на фоне звездного неба.

Ночью, когда все уснули, Нирмал лежал на полу гостевого дома, завернувшись в спальник, и смотрел в темноту. Ему не спалось. Горы стояли за окном, белые и безмолвные, и он чувствовал, как они смотрят на него.

Он закрыл глаза. И провалился в сон.

Ему приснилась гора.

Она стояла перед ним, огромная, белая, ослепительная. Она была такой большой, что закрывала собой все небо. Ее вершина уходила в бесконечность, и снег на ней светился, как будто она была сделана из чистого света.

Он стоял у ее подножия и смотрел на нее. Он знал, что должен подняться. Он всегда знал.

Но на этот раз она заговорила с ним. Ее голос был низким, глубоким, как гул ледника. Он шел из самой ее толщи, из каменного сердца.

— Ты пришел, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Я знаю, — ответил он. — Я всегда знал.

— Ты боишься?

Он хотел сказать «нет». Но он не мог. Он стоял и смотрел на нее, и она смотрела на него. Ее снежные склоны блестели в лунном свете, и он видел в них свое отражение. Он был маленьким. Он был ничтожным. Он был человеком, который шел к своей смерти.

— Боюсь, — сказал он. — Я боюсь каждый день.

— Тогда зачем ты идешь?

Он долго молчал. Потом сказал:

— Потому что я должен. Я не могу остановиться. Я не умею говорить «нет».

Гора не ответила. Она просто стояла, и снег на ее склонах медленно начинал двигаться.

— Посмотри, — сказала она. — Посмотри, что я сделаю.

И он увидел. Увидел, как лавина срывается с гребня. Увидел, как она сметает все на своем пути. Увидел, как его друзья исчезают в белом водовороте. Увидел, как он сам падает в пропасть, и снег забивает ему рот, и он не может дышать, и мир становится белым, абсолютным, непроницаемым.

Он проснулся в холодном поту. Его сердце колотилось где-то в горле. Он сел и посмотрел на окно. Горы стояли там же, белые и безмолвные. Они не смотрели на него. Они просто ждали.

Тензинг повернулся к нему. Его глаза были открыты.

— Что ты видел? — спросил он.

Нирмал долго молчал. Потом сказал:

— Я видел нас. Всех. Мы шли по гребню. Снег падал. Ветер выл. А потом... ничего.

— Это был просто сон, — сказал Тензинг.

— Нет, — покачал головой Нирмал. — Это была она. Она предупреждает меня. Она говорит мне, что я должен остановиться.

— И что ты ответишь ей?

Нирмал долго смотрел в темноту. Потом сказал:

— Я скажу ей, что я должен идти.

Утром они снова вышли на тропу. Пасанг шутил, Саид смеялся, Анита перепроверяла снаряжение. Они не знали о сне. Они не знали о том, что гора уже ждала их.

Нирмал шел впереди, прямой, уверенный. Но Тензинг видел его руки. Они дрожали, когда он застегивал пуховку.

Они прошли Пайю — деревню, где старые шерпы сидели у ворот и смотрели на них с той спокойной мудростью, которая бывает только у людей, живших у подножия великанов. Они прошли Кобуртсе — место, где ветер стал холоднее, а воздух — тоньше.

Они прошли Урдукас — последнюю деревню перед ледником, где женщины в ярких платках угощали их чаем и смотрели на них так, будто знали, что они идут не туда, откуда все возвращаются.

Анита остановилась на привале и посмотрела на вершины. Ее глаза горели. Она была счастлива.

— Мы идем к ней, — сказала она. — Мы идем к ней, и она зовет нас.

Ван Линь улыбнулся. Саид обнял ее за плечи. Пасанг снова начал травить свои истории. Только Нирмал стоял чуть поодаль и смотрел на гору.

Ветер стих, и на мгновение стало тихо.

Анита подняла рюкзак.

— Пора, — сказала она. Они снова двинулись в путь, оставляя за собой следы на каменистой тропе...

Часть вторая. Тень горы

«Он молился, чтобы вернуться домой.»
от автора

Глава 1. Последнее утро

Катманду. Июль 2026 года. За две недели до трагедии.

Санджана стояла на пороге дома и смотрела, как муж застегивает рюкзак.

Она делала это уже много раз. Стояла здесь, на этом же месте, в этой же позе, с этим же чувством в груди. Десять лет брака. Десять лет проводов. Каждый раз она думала: «Это последний». Каждый раз он возвращался.

Но в этот раз было по-другому.

Она не могла объяснить, откуда пришло это знание. Оно просто было. Как холод, который поселился у нее внутри за несколько дней до этого.

Она чувствовала его, когда просыпалась по ночам. Когда смотрела на него спящего. Когда он брал на руки Ааруши и кружил ее по двору, и девочка смеялась, а он смеялся вместе с ней.

— Ты не хочешь идти, — сказала она.

Не вопрос. Утверждение.

Нирмал замер на мгновение. Он стоял к ней спиной, и она видела, как его плечи напряглись. Потом он медленно повернулся.

— Я должен, Санджана.

— Нет. — Она шагнула к нему. — Не должен. Ты уже сделал достаточно. Ты — легенда. Ты покорил тринадцать вершин без кислорода. Мир знает твоё имя. Ааруши знает своё имя. Я знаю, что ты устал.

Он молчал. Она видела его лицо — оно было спокойным, но глаза выдавали его. В них была та же пустота, которую она научилась распознавать за десять лет брака. Та пустота, которая появлялась перед каждым его уходом. Когда он уже был в горах, даже если его тело еще стояло здесь, на пороге дома.

— Это последняя, — сказал он.

— Ты говорил это уже много раз.

Он ничего не ответил. Просто смотрел на нее, и она видела, как его глаза наполняются чем-то, чему она не могла найти названия. Не боль. Не страх. Смирение. Она видела это в глазах своего отца, когда он умирал. Смирение человека, который знает, что конец близко, и принимает его.

— Не уходи, — прошептала она, и голос ее дрогнул. — Останься. Ааруши нужен отец. Я не хочу быть одна.

Он шагнул к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб. Его руки были теплыми, но она чувствовала холод. Тот холод, который он носил в себе. Тот, который становился сильнее с каждой вершиной.

— Я вернусь, — сказал он.

— Обещаешь?

Он посмотрел на нее. В его глазах была та же пустота. И она поняла: он не может обещать. Он никогда не мог обещать. Потому что гора не прощает обещаний. Потому что слово «вернусь» в горах ничего не значит. Потому что он знал это лучше, чем кто-либо.

— Я буду пытаться, — сказал он наконец.

Она закрыла глаза. Слезы не пошли. Они застыли где-то внутри, вместе с холодом. Она знала, что он не вернется. Она знала это с той самой ночи, когда он сказал ей, что решил идти на Броуд-Пик.

Он опустился на колени перед Ааруши. Девочка стояла на пороге, прижимая к груди рисунок. На нем были горы, солнце и три фигурки. Она рисовала его уже несколько дней. Она не знала, что рисует прощание.

— Папа, ты скоро вернешься? — спросила она.

Нирмал улыбнулся. Она видела, как эта улыбка не доходит до его глаз. Она видела это так ясно, как никогда раньше.

— Я вернусь, маленькая. Ты нарисуешь мне новую картинку?

— Самую красивую, — сказала Ааруши. — С горой и солнцем. И с нами. Всеми вместе.

Он обнял ее. Прижал к себе. Держал так долго, как никогда раньше. Как будто хотел запомнить ее запах, ее тепло, ее маленькие руки, которые обнимали его за шею.

Потом он поднялся на ноги, взял рюкзак и вышел за дверь.

Санджана смотрела ему вслед. Ветер играл ее волосами, и она чувствовала тот же холод, что и он. Холод, который шел не от ветра. От того, что он уходил. И она знала, что он не вернется.

Когда его фигура исчезла за поворотом, она повернулась к дому. Ааруши стояла на пороге и смотрела на нее большими глазами.

— Мама, папа вернется?

Санджана опустилась на колени, взяла дочь за руки и посмотрела ей в глаза.

— Он будет пытаться, — сказала она. — Он всегда пытается.

Она взяла рисунок из рук дочери. Горы. Солнце. Три фигурки. Она смотрела на этот рисунок и знала, что через несколько недель он станет единственным, что у них останется.

Она не плакала. Она просто держала дочь за руку и смотрела на дорогу, где исчезла фигура мужа. Ветер стих, и на мгновение стало тихо. Так тихо, что она слышала, как бьется сердце Ааруши.

А потом она развернулась и вошла в дом. Закрыла дверь. Поставила чайник. Жизнь продолжалась.

Глава 2. Телефонный звонок

Лондон. Август 2026 года

Смерть на Броуд-Пик. Лавина унесла жизни десяти альпинистов. Среди них — Нирмал Шакья. Легенда. Тот, кого считали бессмертным. Но даже легенды не бессмертны. Они уходят, когда мы меньше всего готовы к этому.

Десять человек. Десять жизней. Десять судеб, оборванных за двадцать секунд. Лавина сметала их с гребня, как песчинки, разбросала по склону, оставила на снегу — бездыханные, неподвижные, навсегда застывшие в своих последних позах.

Второе августа. Я сидел в своей квартире в Лондоне. На экране мелькали кадры — вертолеты, спасатели, белые склоны, черные точки тел. Заголовки новостей пестрили, как раны: «Трагедия на Броуд-Пик», «Десять альпинистов погибли», «Черный день для высотного альпинизма».

Я знал эту гору. Знал ее ледяные карнизы, ее коварные гребни, ее тишину, которая звенит в ушах, как колокол. Но я не знал их. Я не знал, что заставило их идти туда, где смерть ждет за каждым шагом.

Прошли недели. Новости утихли, заголовки поблекли, мир забыл о трагедии так же быстро, как узнал о ней. Но я не забыл. Я перечитывал статьи, смотрел на фотографии десяти улыбающихся лиц, пытался понять.

А потом раздался звонок...

Телефон разрывает тишину ровно в десять вечера. На экране высвечивается незнакомый номер — британский префикс, код Нортгемптона. От этого сочетания цифр по спине пробегает холодок: слишком поздно, слишком неожиданно, слишком... не к добру.

Я сидел в своей маленькой лондонской квартире, разбирая старые заметки, когда телефон завибрировал на столе. Я взял трубку, еще не зная, что этот разговор перевернет все — мои планы, мои мысли, мое представление о том, что движет людьми на краю пропасти.

— Мистер Харрисон? — женский голос звучит натянуто, будто она пересиливает себя, чтобы говорить спокойно. — Меня зовут Сара. Сара Дэвис. Я жена Марка Дэвиса. Того самого... который погиб на Броуд-Пик месяц назад.

Я молчу. Сжимаю трубку крепче, чувствуя, как пульс отдается в кончиках пальцев. Я помню ту историю. Все помнили. Громкая смерть, разобранный по заголовкам таблоидов, — но для меня она была чем-то личным, хоть мы и не были знакомы.

Я перебирал в голове имя «Дэвис» и внезапно вспомнил: Марк Дэвис — тот самый, который вел дневник во время экспедиции. Его заметки цитировали в новостях, но они были обрывочными, вырванными из контекста. Я тогда подумал: если бы кто-то смог прочитать их целиком, мы бы узнали правду.

— Я вас слушаю, — говорю я, и голос звучит глуше, чем хотелось бы.

— Мне прислали его вещи из базового лагеря. Среди снаряжения, одежды, личных мелочей... был дневник. — Она запинаясь на мгновение. — Я не могу читать это одна. Не могу оставаться с этими строчками наедине.

Вы — единственный журналист, которому я доверяю. Я читала ваши статьи о гималайских экспедициях. Вы понимаете, о чем я говорю. Вы знаете, что такое горы.

Я провел рукой по лицу, чувствуя, как в груди зарождается то самое чувство, которое я не испытывал уже много лет — предчувствие. Предчувствие, что эта история изменит меня. Что она будет преследовать меня до конца жизни.

— Почему вы звоните мне? — спросил я. — Почему не отдали дневник полиции или следователям?

Она помолчала несколько секунд. В трубке слышалось только ее дыхание — прерывистое, тяжелое, словно она бежала марафон.

— Потому что они не поймут, — сказала она наконец. — Они прочитают его как набор фактов. А вы прочитаете как историю. Как историю людей, которые не спустились с высоты. Я хочу, чтобы мир узнал правду. Не ту, что продают газеты. А настоящую. Ту, которую записал Марк.

Я закрыл глаза. В голове уже крутились десятки вопросов. Кто был этот Марк? Что он видел? Что он знал? И почему его дневник оказался у Сары только сейчас, спустя месяц после трагедии?

— Когда я могу приехать? — спросил я, и голос мой прозвучал тверже, чем я чувствовал себя внутри.

— Завтра утром, — сказала она. — Я пришлю вам адрес. Пожалуйста, приезжайте. Я больше не могу ждать.

Утром я уже стоял на пороге ее дома в Нортгемптоне. Дом был старым, викторианским, с фасадом из красного кирпича и высокими узкими окнами. За ними угадывался свет — одинокая лампа, горевшая в гостиной, словно маяк в тумане. Я нажал на звонок, и дверь открылась почти мгновенно — будто она стояла у входа и ждала меня.

Сара Дэвис оказалась женщиной лет сорока, с бледным лицом и темными кругами под глазами. Она была одета просто — в старый свитер и джинсы, — но в ее осанке чувствовалась та особая собранность, которая бывает у людей, переживших потерю и нашедших в себе силы жить дальше.

Ее волосы, когда-то темные, теперь тронуты сединой, но глаза — живые, цепкие — смотрели на меня с той пронзительной прямоотой, которую я встречал только у тех, кому больше нечего терять.

— Мистер Харрисон? — спросила она, и голос ее дрогнул, но она сдержалась. — Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что позвали, — ответил я.

Она провела меня в гостиную, где пахло пылью и остывшим чаем. На столе лежал потертый блокнот в кожаной обложке — края обтрепаны так, словно его носили в рюкзаке годами, а не неделями. Рядом с ним стояла чашка с давно остывшим чаем и лежала стопка писем — видимо, те самые соболезнования, которые приходили со всего мира.

Сара протянула мне блокнот, но я заметил, как дрогнули ее пальцы.

— Я не знаю, смогу ли я его читать, — сказала она тихо. — Я пробовала. Но после первой страницы я не могу дышать. Я чувствую его голос. Я слышу, как он пишет. Как будто он здесь, рядом. — Она посмотрела на меня с такой мольбой, что я невольно отвел взгляд. — Пожалуйста, прочитайте его. И расскажите мне, что там. Я должна знать.

Я сел в кресло напротив нее, открываю первую страницу и погружаюсь в чужой обрывочный до боли живой мир.

«День 1. Катманду. Мы упаковываем снаряжение и перепроверяем кислородные баллоны. Нирмал выглядит разбитым — не физически, нет, он все еще крепок, как стальная троса, — но в глазах его таится усталость, которая не лечится сном. Он признался мне вечером: не хотел идти. Хотел отдыха, хотел побыть с семьей, хотел забыть, что такое высота. Но спонсоры настаивали — контракт есть контракт. И тогда он сказал с такой горечью, что у меня сжалось горло: "Это моя последняя вершина. Я должен закрыть программу". Я увидел в его взгляде страх. Не трусость — страх. Он говорил о жене, о маленькой дочери, о том, что обещал им вернуться. И я вдруг понял: он сам не верит в это обещание».

Марк

Переворачиваю страницу. Пальцы чуть дрожат.

«День 12. Базовый лагерь Броуд-Пик, 4900 метров. Ветер рвет полог палатки, но Нирмал говорит с нами так, будто мы сидим в уютной гостиной. "Я уже был здесь, — говорит он, и улыбка его кажется слишком спокойной. — Я знаю эту гору. Она опасна, но мы справимся". Но я заметил: его взгляд все время уходит на северо-западный гребень. Туда, где снежные карнизы нависают как лезвия, где лавины сходят без предупреждения. Он знает об этом. Он знает все риски — и все равно не может остановиться. Потому что остановка для него хуже смерти».

Марк

Сара сидит напротив, молча сжимая чашку остывшего чая. Я чувствую, как воздух в комнате становится плотным — будто мы оба дышим этим разреженным высокогорным воздухом. Листаю дальше, почти не дыша.

«День 20. Вечер перед штормом. Нирмал собрал всех нас у входа в главную палатку. Было темно, и в свете фонарей его лицо казалось вырезанным из старого дерева — морщины глубже, взгляд жестче. Он сказал просто: "Я должен был сказать "нет". Я должен был отдохнуть. Но я не мог — это последний шаг на моем пути". Я спросил его прямо, глядя в глаза: "Ты боишься?" Он засмеялся — тихо, скорее выдохнул этот смех. Потом посмотрел на меня, и в его зрачках я увидел целую вечность: "Каждый день. Но я должен идти".»

Марк

Я захлопываю блокнот. Кожаная обложка глухо стучается о ладонь. В комнате воцаряется такая тишина, что слышно, как за окном ветер шевелит листву. Сара поднимает на меня глаза — в них больше нет слез, только сталь и недоумение.

— Он был великим альпинистом, — произносит она медленно, будто пробуя слова на вкус. — Но я поняла только сейчас... он был заложником собственной мечты. У него были все возможности сказать «стоп». Но он не сказал. Почему?

Я смотрю на нее, и в ее глазах вижу вопрос, на который нет простого ответа. Почему человек, достигший всего, продолжает идти? Почему он не может остановиться? Почему слово «нет» становится недоступным, когда смотришь на вершину?

Я встаю. Иду к окну, смотрю на серое августовское небо и чувствую, как в груди разгорается что-то горячее, неистовое — то, что называют одержимостью. Я поворачиваюсь к ней и говорю тверже, чем планировал:

— Я найду правду. О том дне. О маршруте. О том, что заставило его идти, когда внутри уже все кричало «нет». — Я кладу руку на блокнот. — Обещаю вам. И себе.

Сара смотрит на меня долгим взглядом. В ее глазах мелькает что-то похожее на надежду — слабую, робкую, как огонек на ветру.

— Вы сделаете это? — шепчет она.

— Я обещаю, — говорю я, чувствуя, как это слово врезается в воздух, как крюк в скалу. — Не ради заголовков. Не ради денег. Ради тех, кто остался ждать у подножия. И ради него самого. Он этого заслужил.

Каждую ночь я перечитывал дневник Марка. Его слова становились моими спутниками, моими голосами, моими вопросами. Он писал о страхе, о сомнениях, о том, как Нирмал смотрел на гору и не отводил взгляда. Я слышал его голос в каждой строчке, и он шептал мне: «Ты должен поехать. Ты должен узнать правду. Ты должен рассказать им.» И я ехал.

Две недели я провел в Лондоне, лихорадочно собирая информацию. Я звонил в посольство Пакистана, заполнял бесконечные формы, ждал подтверждений. Я ездил в магазины альпинистского снаряжения, выбирал пуховки, ботинки, ледорубы — все то, что могло понадобиться в горах.

Я читал книги о Каракоруме, изучал карты, запоминал названия ледников и пиков. Я готовился так, как будто собирался покорить вершину. Хотя на самом деле я просто хотел понять, что там произошло.

Но в этой суете я чувствовал, что мне чего-то не хватает. Я не мог просто собрать факты и улететь. Мне нужно было понять что-то другое.

Однажды, за день до вылета, я бродил по Лондону. Я не знал, куда иду. Я просто шел. Дождь моросил уже третью неделю, и город казался серым, как та зона между жизнью и смертью, о которой я читал в горах.

В руках я сжимал дневник Марка Дэвиса, и его слова звучали в моей голове снова и снова: «Нирмал выглядит так, будто уже проиграл что-то важное.» Я не знал, что это значит. Но я чувствовал, что должен понять.

Ноги сами привели меня к старому кирпичному зданию на окраине города. Над дверью висела табличка: «Лондонский буддийский центр». Я остановился. Я не планировал заходить сюда. Я даже не знал, что здесь есть буддийский центр. Но я стоял перед дверью и чувствовал, что должен войти.

Внутри было тихо. Пахло сухим деревом и благовониями. Горели масляные лампы, и в их свете я увидел статую Будды — спокойную, неподвижную, вечную. В углу сидел монах в бордовых одеждах. Он читал книгу и не поднимал головы, когда я вошел.

Я сел на деревянную скамью и долго молчал. Он не торопил меня. Он просто ждал.

— Я журналист, — сказал я наконец. — Я собираюсь в Пакистан, на Броуд-Пик. Там погибли десять альпинистов. Один из них — Нирмал Шакья. Он был буддистом. Я хочу понять, что он думал перед смертью. Что заставило его идти, зная, что он может не вернуться.

Монах поднял голову и посмотрел на меня. Его глаза были спокойными, без удивления.

— Ты хочешь понять, что движет человеком, который идет на смерть? — спросил он.

Я кивнул.

Он долго молчал, глядя на статую Будды. Потом сказал:

— В буддизме мы верим, что жизнь — это не только то, что мы получаем. Это то, что мы отдаем. Возможно, он шел не ради смерти. Он шел ради того, чтобы завершить свой путь. Чтобы доказать себе, что он может. Чтобы его семья знала, что он не сдался.

Я смотрел на него, чувствуя, как его слова проникают под кожу.

— Но он не вернулся, — сказал я. — Как это может быть правильным?

— Будда учит нас, что правильное — это не всегда то, что мы хотим, — сказал он. — Правильное — это то, что делает нас целыми. Возможно, его путь завершился там, где он должен был завершиться. И он принял это.

Он замолчал и посмотрел на меня.

— Ты хочешь найти ответы, — сказал он. — Но ответы не в словах. Ответы в том, что ты чувствуешь. В том, что ты помнишь. В том, что ты делаешь с этим.

Я вышел из буддийского центра в дождь. Он все так же моросил, но я не замечал его. Я сжимал в руках дневник Марка Дэвиса и думал о Нирмале. О том, что он, возможно, знал, что идет на смерть. И что он принял это.

Я поднял голову к серому лондонскому небу и подумал о том, что скоро я увижу горы. И, возможно, тогда я пойму.

Две недели спустя. Хитроу. Лондон.

Самолет вылетел из Хитроу в половине десятого вечера. Сара звонила каждый день, ее голос становился все тише, все отчаяннее.

— Вы скоро? — спрашивала она.

— Я еду, — отвечал я.

И каждый раз чувствовал, как в груди разрастается тяжесть.

В самолете

Я сидел у иллюминатора, глядя, как огни Лондона тают в темноте, уступая место бесконечной черноте Атлантики. Самолет набирал высоту, и город внизу становился все меньше — сначала россыпь огней, потом тусклое пятно, потом ничего.

Слова Сары все еще звучали в моей голове. Она сказала их на прощание: «Привезите его домой. Не тело. Его голос. Его правду.» Я кивнул тогда. Я не мог говорить. Я просто сжимал в руках дневник Марка и молчал.

Теперь я смотрел в темноту за стеклом и думал о том, что обещал ей. Я обещал найти правду. Я обещал вернуть голос человека, который уже не мог говорить за себя. Я обещал это ей. Я обещал это себе. И я знал, что не имею права подвести никого.»

Салон самолета погрузился в полумрак. Пассажиры рядом со мной спали, укрывшись пледами, но я не мог сомкнуть глаз. Я включил крошечную лампу над сиденьем и снова открыл дневник.

Я уже прочитал его от корки до корки, но теперь, в этой тишине, на высоте десяти тысяч метров, я хотел прочитать его по-другому. Не как журналист, собирающий факты. А как человек, который идет по тому же пути.

Я открыл страницу, которую пропустил в первый раз — ту, где Марк описывал свой перелет в Пакистан, начало той экспедиции.

«День 0. Лондон — Исламабад. Я сижу в самолете и думаю о том, что через несколько часов увижу Каракорум. Странное чувство. Я никогда не был так далеко от дома. Я никогда не был так близко к тому, что может меня убить. Нирмал сидит через два ряда от меня. Он спит. Я смотрю на него и вижу, что его лицо во сне напряжено. Он не отдыхает. Он готовится. К чему? К смерти? К победе? Я не знаю. Я знаю только то, что он не улыбается во сне. Он выглядит так, будто уже проиграл что-то важное.»

Я перечитал этот абзац несколько раз. «Он выглядит так, будто уже проиграл что-то важное.» Марк видел это. Он видел это еще до того, как они ступили на ледник. Он видел пустоту в глазах Нирмала, которую тот пытался скрыть за улыбками и уверенными фразами.

Я пролистал дневник дальше. Марк писал о страхе, который не покидал его даже во сне. О том, как он просыпался в холодном поту, думая, что падает в пропасть. О том, как он смотрел на Нирмала и видел в нем отражение собственного страха.

Но он не говорил об этом вслух. Он просто записывал. Строчка за строчкой. Словно пытался сохранить себя на бумаге, чтобы, если что-то случится, хотя бы его слова остались.

«Нирмал показал мне фотографию жены и дочери. Санджана улыбается, и в ее глазах — свет. Ааруши смеется, и весь мир, кажется, замирает, глядя на нее. Нирмал сказал: "Они — все, что у меня есть, Марк. Все, ради чего я живу. Я хочу, чтобы они гордились мной. Я хочу, чтобы Ааруши знала: ее отец не сдавался. Даже когда было страшно. Даже когда хотелось остановиться." Я посмотрел на него и понял: он говорит это не для меня. Он говорит это для себя. Он убеждает себя, что делает правильный выбор. Но я вижу его глаза. Он не уверен. Он боится. Боится, что не вернется. Боится, что они останутся одни.»

Я закрыл дневник и посмотрел в иллюминатор. За окном уже начинало светать. Где-то там, внизу, под слоем облаков, лежала Турция. Через несколько часов мы будем над Пакистаном. Я думал о том, что Марк тоже сидел в самолете, смотрел на облака и записывал свои страхи. Он не знал, что его записи станут единственным свидетельством. Он просто писал. Потому что не мог молчать.

Стюардесса принесла чай. Я взял чашку, чувствуя, как тепло разливается по ладоням, и снова открыл дневник. На этот раз я нашел строки, написанные уже в Скарду, где Марк впервые увидел вершины Каракорума.

«Я вышел из гестхауса в Скарду и посмотрел на север. Там, за крышами глинобитных домов, в утренней дымке, поднимались белые пики. Я смотрел на них и чувствовал, как страх смешивается с восторгом. Я знал, что иду к ним. Я знал, что они ждут. И я знал, что они могут меня убить. Но я все равно шел. Потому что Нирмал шел. И я хотел понять, что заставляет его идти.»

Я закрыл дневник и убрал его в рюкзак. Самолет начал снижаться. За окном показались горы — сначала далекие, серые, потом все ближе, все выше, покрытые снегом, который блестел в лучах утреннего солнца. Каракорум.

Я смотрел на них и думал о том, что Нирмал тоже видел их из этого окна. Что Марк тоже смотрел на них и чувствовал страх. И что они оба знали: они идут туда, откуда можно не вернуться.

Самолет коснулся взлетной полосы, и я почувствовал, как дрожь пробегает по телу. Мы приземлились в Исламабаде. За окном — теплое влажное утро. Запах пыли и цветущих жасминов.

Я вышел из самолета, и воздух ударил мне в лицо — густой, горячий, живой. И я подумал о том, что Нирмал стоял здесь, на этой же земле, дышал этим же воздухом. Он смотрел на эти горы с тем же чувством, что и я сейчас, но он уже понимал, что это его последний раз на этой земле. Он понимал это — и все равно пошел. Потому что не умел говорить «нет».

Я сжал рюкзак и направился к выходу из аэропорта. Впереди была дорога. Впереди была правда. И я знал: я найду ее. Для Сары. Для Ааруши. Для Марка. Для Нирмала.

Я найду ее.

Глава 3. Скарду. Город у подножия богов

Пакистан. Сентябрь 2026 года

Скарду — это не просто город. Это последний форпост цивилизации, за которым начинается царство льда и камня. Он лежит на дне долины, стиснутой гигантскими стенами Каракорума, — горы здесь вздымаются к небу так круто, что, кажется, вот-вот опрокинутся на хрупкие крыши глинобитных домов.

Воздух в Скарду до звона чистый: каждый вдох обжигает легкие, словно ты глотаешь не воздух, а ледяную горную воду. И в этом холоде разлит густой, терпкий запах пыли, сушеных абрикосов и дыма — будто само время здесь превратилось в запах.

Река Инд неспешно, но властно несет свои мутные воды через город. Она берет начало где-то высоко, среди ледников, и в ней чувствуется сила, которая не снится равнинным рекам. Ее берега облеплены старыми домами из самана — они жмутся друг к другу так плотно, словно боятся, что порыв ветра сдует их в ледяной поток.

Крыши сплошь укрыты абрикосами, разложенными для сушки, — их приторный аромат переплетается с резким запахом бараньего жира и угольным дыханием очагов. В этом смешении запахов есть что-то первобытное, что-то от самого начала времен, когда люди впервые научились селиться у подножия богов.

Узкие улочки Скарду напоминают лабиринт. Они петляют меж глинобитных стен и выводят к лавкам, где на деревянных прилавках разложено альпинистское снаряжение. Здесь продается все — от ледорубов и стальных кошек до кислородных баллонов и капроновых веревок.

Эти вещи висят на стенах, как воинские доспехи, и каждый предмет пропитан историей: какая-то веревка держала человека на отвесной стене, какие-то кошки вгрызались в лед, где под снегом спала смерть.

Сам воздух здесь звенит от напряжения, от памяти о тех, кто уходил вверх и не возвращался. Каждый камень, каждый порыв ветра, каждый далекий гул, похожий на раскат грома, — все это напоминает: ты стоишь у подножия великанов. И великаны эти не знают пощады.

Я нашел Аслама не в шумном базаре и не в альпинистском клубе, а на окраине Скарду, в старом гестхаусе, который больше походил на крепость, чем на гостиницу.

Перед отъездом Сара сказала мне: «Найди Аслама. Он был другом Нирмала. Он знает то, чего нет в дневнике.» В Скарду все знали, где искать старого альпиниста. Он жил на окраине, в гестхаусе, который больше походил на крепость.

Двор был пуст, только чахлое дерево тянуло ветки к серому небу. Сам Аслам сидел у входа на низком деревянном стуле, опираясь на трость, вырезанную из корявого ствола.

Его лицо казалось высеченным из камня — обветренное до коричневой корки, изрезанное морщинами, как старая карта, где каждая линия означала прожитую бурю. Он держал в руках металлическую кружку, и пар от чая таял в прохладном воздухе, не успев подняться выше его груди.

— Ты Аслам? — спросил я, останавливаясь в нескольких шагах от него. Голос мой прозвучал глухо — то ли от усталости после долгой дороги, то ли от того чувства благоговения, которое накрывает всякого, кто подходит к местному старцу.

Он не поднял глаз. Смотрел куда-то в пространство, на мутную воду Инда, которая неслась мимо, не замечая человеческих тревог.

— Да, — ответил он, и голос его был низким, как рокот камней, срывающихся с осыпи.

— Меня зовут Джеймс Харрисон. — Я присел на корточки напротив, чтобы видеть его лицо. — Я журналист. Я приехал, чтобы поговорить с тобой о Броуд-Пик. О Нирмале. Ты знал его лучше, чем кто-либо.

Он медленно поднял на меня взгляд, и я увидел его глаза — темные, глубокие, как озера, что прячутся среди ледников. В них плескалась такая боль, что я невольно сжал кулаки. Это была боль, которую не заглушить чаем, не унять дорогой, не забыть за годами.

— Нирмал был моим другом, — произнес Аслам, и в голосе его задрожала старость. — Не просто напарником. Другом. Мы прошли вместе пять вершин. Я видел его сильным, я видел его сломленным. Но в тот раз... в тот раз. Он казался выжженным изнутри. Он не хотел идти.

Он говорил мне: «Аслам, я устал. Не телом — душой. Я хочу сидеть у очага, слушать, как дочь смеется, и не думать о высоте». Я видел его руки — они дрожали, когда он застегивал пуховку. Он был готов, но он не был готов. Ты понимаешь?

Я молча кивнул, боясь прервать этот поток, ловя каждое слово.

— Он не мог сказать «нет», — продолжал старик, и его пальцы сжали кружку так, что побелели костяшки. — Слишком много людей ждали от него подвига. Слишком много спонсоров вложили деньги. Слишком много рекламных контрактов висело на его имени.

Он был не свободным альпинистом — он был заложником своего успеха. Он пошел на Броуд-Пик не потому, что хотел, — потому что не мог подвести. Потому что слово «нет» в его мире приравнивалось к предательству.

Он замолчал, и я заметил, как его рука дрогнула, когда он подносил кружку к губам. Я понял, что этот разговор на улице — лишь начало. Что за ним стоит что-то более тяжелое, что он не решается произнести при свете дня, под открытым небом, где каждый ветер может унести слова.

— Ты хочешь знать правду о том дне? — спросил он, не глядя на меня. — Не ту, что написана в отчетах. Настоящую?

— Да, — ответил я, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

Он медленно поднялся, опираясь на трость, и жестом пригласил меня следовать за ним. Мы вошли внутрь гестхауса, в комнату, где царил полумрак, сырой и тяжелый, будто само время здесь застоялось и отсырело вместе со стенами.

Воздух был пропитан запахом старого табака — он вьелся в ткани, в деревянные перекрытия, в каждую щель, и казалось, что этот запах хранит память о десятках разговоров, которые велись здесь за долгие годы. Я присел на деревянный стул, стоявший у стены, и приготовился слушать.

Аслам тяжело опустился на край кровати. Он не торопился. Достал из кармана помятую пачку сигарет, вытянул одну, долго вертел ее в пальцах, будто раздумывая, стоит ли нарушать тишину.

Потом чиркнул зажигалкой — и на мгновение желтый огонек выхватил из темноты его лицо: глубокие тени под глазами, плотно сжатые губы, морщины, которые, казалось, углуби-

лись за одну ночь. Пламя погасло, и лицо снова растворилось в полумраке, только красный огонек сигареты пульсировал в темноте, как слабый маяк.

— Тридцатого июля они вышли на штурм, — начал он, и голос его звучал глухо, будто слова рождались где-то глубоко в груди и с трудом пробивались наружу. — Я должен был идти с ними. Но я остался в Лагере 2. У меня кончился кислород, и я чувствовал, что не смогу подняться выше. Нирмал сказал: «Жди нас». Я ждал.

Он замолчал, затянулся сигаретой, и красный огонек на мгновение осветил его пальцы — они дрожали.

— Погода в тот день была на их стороне. Утром небо было чистым, ветер почти не чувствовался — такие дни в горах называют благословенными. Но я знал: горы любят заманивать в ловушку. Нирмал вел их, как всегда, — уверенно, жестко, не давая никому расслабиться.

Я смотрел на гребень в бинокль и видел, как они поднимаются. Но я заметил кое-что — даже на таком расстоянии я чувствовал: в нем не было жизни. Будто он не видел горы, а видел что-то свое, недоступное нам. Он был сильным, опытным — лучшим из нас. И в тот день он делал все правильно.

Аслам замолчал, затянулся сигаретой, и красный огонек на мгновение осветил его пальцы — они дрожали.

— На высоте семь тысяч пятьсот метров у одного из них — Саида, молодого парня из Омана, — кончился кислород. Я слышал это по рации. Он был веселым, мечтал о восьмистысячнике. Нирмал сказал: «Мы должны развернуться».

Потом я услышал, как он сказал: «Мы продолжим». Я знал этот голос. Я знал, что он принимает решение, от которого нет пути назад. Он стоял на гребне, и ветер трепал его пуховку, и он боролся сам с собой. Но он принял решение. Он пошел дальше.

Аслам сделал еще одну затяжку, и сигарета дрогнула в его руке.

— Они поднялись до восьми тысяч. Небо, которое утром казалось чистым, потемнело. Ветер стал срывать маски с лиц. Нирмал остановился. До вершины оставался час. Но он понял, что они проиграли. Он сказал: «Мы должны спускаться. Немедленно». Я слышал его голос по рации. Я никогда не слышал его таким. Обреченным.

Аслам сжал окурок в пальцах, раздавил его о край стола и отбросил в сторону. Его голос стал ниже, почти шепотом.

— Я стоял у входа в палатку и смотрел на гребень. Я не видел лавины — только белое облако, которое поднялось над склоном. Потом я услышал гул. Он нарастал, как приближающийся поезд. Я знал, что это конец.

— Я ждал, — продолжал Аслам, и теперь голос его прерывался, как у человека, который пытается говорить, но каждый звук дается ему через силу. — Я ждал целый день. Потом пришли спасатели. Они спускали тела. Я смотрел, как их уносят. Я не мог поверить, что он ушел. Что все они ушли. А я остался.

Он поднял на меня глаза, и в тусклом свете я увидел, что они красные, но сухие.

— Нирмал пытался спасти кого-то? — спросил я, хотя уже знал ответ, но мне нужно было услышать это из его уст.

— Нет, — покачал головой Аслам, и в этом коротком слове было столько боли, что у меня сжалось горло. — Он не успел. Никто не успел. Это было мгновенно. Мне показалось — двадцать секунд, не больше. Гора просто... взяла их. Даже если бы он хотел помочь — времени не было. Они погибли сразу. Все десять.

Я сидел и смотрел на него. Старик сидел на кровати, сгорбившись, и его плечи дрожали — не от холода, а от того груза, который он нес в себе уже столько дней. Я хотел что-то сказать, но слова не шли. В комнате было тихо, только редкие капли воды падали где-то в углу, отсчитывая секунды, которые больше никогда не станут чьими-то жизнями.

— Он знал, — наконец прошептал Аслам, не поднимая головы. — Он знал, что не вернется. Я видел это в его глазах перед выходом. Он простился с нами, но он прощался не так, как обычно. Он прощался навсегда.

Я медленно поднялся со стула, приблизился к нему и положил руку ему на плечо. Он не отстранился.

— Спасибо тебе, Аслам, — сказал я тихо. — Я знаю, как тяжело об этом говорить.

Он кивнул — едва заметно, без слов. Я повернулся и вышел на улицу, где холодный вечерний воздух ударил мне в лицо, и я сделал глубокий вдох, будто выныривая из ледяной воды.

Только сейчас я понял, какую тяжесть он нес — не только в тот день, но и в каждый день после. И я знал, что эта тяжесть теперь ложится на мои плечи.

Глава 4. Голос с моста

Скарду. Сентябрь 2026 года

Я шел вдоль Инда, и вода в реке казалась мне сейчас не просто водой, а временем, утекающим сквозь пальцы. Мутная, ледяная, она несла в себе частицы ледников, которые таяли там, высоко, на вершинах, где воздух становится разреженным, а мысли — обнаженными.

Я думал о Нирмале. О том, как он стоял на этом же берегу, возможно, смотрел на эту же воду и чувствовал, как тяжесть долга давит на плечи сильнее, чем любой рюкзак с кислородными баллонами.

Слова Аслама все еще звенели в ушах. Я слышал гул лавины, видел стену снега, которая обрушивается на людей за двадцать секунд. Я чувствовал ледяной холод, сковавший тело старика, когда он рассказывал, как очнулся в снегу рядом с чужой ногой.

И чем дальше я шел, тем тяжелее становился воздух — не от разреженности, а от того, что я нес теперь эту историю в себе.

Закат уже почти погас, оставив на небе лишь узкую полосу багрянца, похожую на свежую рану. Я остановился у старого каменного моста, перекинутого через реку, и прислонился к перилам, чувствуя, как холод металла проникает сквозь куртку. Где-то вдалеке залаяла собака, потом смолкла, и тишина снова стала полной, как вода в чаше.

Я смотрел на темную воду, которая бежала подо мной, и думал о том, как Нирмал стоял здесь же, возможно, смотрел на этот же поток, искал в нем ответы.

Я слышал, что он боялся воды — той стихии, которая не договаривается. Но он не боялся гор. Ирония судьбы — он доверял тем, кто мог его убить, и не доверял тем, кто был просто водой под ногами.

— Ты ищешь Нирмала? — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. На другом конце моста стояла женщина — невысокая, в темной шали, закрывающей голову и плечи. В руках она держала глиняную миску, из которой поднимался пар.

Ее лицо было темным, как кора, и глаза смотрели на меня с той же пронзительной прямоотой, что и у Аслама. В них не было страха или удивления — только спокойная, глубокая печаль, которая бывает у людей, видевших слишком много смертей.

— Я ищу правду, — ответил я, не зная, почему говорю это именно ей.

Она кивнула, будто мой ответ был ей знаком, и подошла ближе. От миски пахло супом — жирным, густым, с пряностями, от которого сводило скулы. Запах напомнил мне, что я не ел весь день, но сейчас еда казалась чем-то далеким и неважным.

— Меня зовут Фатима, — сказала она. — Я была поваром в экспедиции Нирмала. Я готовила ему еду в базовом лагере. — Она замолчала и посмотрела на воду, которая бежала

под нами. — Он любил мой дал. Говорил, что я готовлю почти как его мать. И всегда просил положить больше зиры.

Я вглядывался в ее лицо, пытаясь понять, что она хочет мне сказать. Она не плакала, не выглядела убитой горем — скорее, в ней была та спокойная печаль, которую не вытравить временем. Она пришла сюда не случайно, я понял это. Она ждала меня.

— Я видела его за день до того, как он вышел на штурм, — сказала Фатима. — Он пришел ко мне в палатку, когда все уже спали. Спросил, есть ли у меня чай. Я сварила ему, и мы сидели вдвоем, слушая, как ветер хлещет по брезенту. Он был тихим, очень тихим.

Я спросила его: «Сахиб, ты волнуешься?» Он посмотрел на меня, и я увидела, что он улыбается, но улыбка не доходит до глаз. «Фатима, — сказал он, — я устал быть героем. Я хочу быть просто человеком. Чувствовать запах земли после дождя, слышать голос дочери по утрам, просыпаться не от того, что падает снег, а от того, что солнце светит в окно».

— Она перевела дыхание и сжала миску крепче. — Я сказала ему: «Тогда оставайся. Не иди». Он засмеялся, но смех был сухим и ломким. «Если я останусь, я никогда не прошу себя. Я должен закончить. Должен, — он повторил это слово несколько раз, будто пытался в него поверить. — Должен».

Фатима замолчала, и я услышал, как в тишине капает вода с перил моста — капля за каплей, как секунды, уходящие в вечность.

— Он был хорошим человеком, Джеймс, — сказала она наконец. — Я знаю, что говорят газеты. Что он был одержим. Что он шел на риск. Но он был просто человеком, который слишком долго шел вверх и забыл, как спускаться. Он хотел остановиться, но не знал, как. Он хотел сказать «нет», но язык не слушался.

Спонсоры, контракты, программа — эти слова душили его, как веревка на шее. Он говорил мне, что если он вернется без вершины, то подведет всех, кто в него верил. Но он забыл спросить себя: а верит ли он сам в то, что делает?

Я стоял, не в силах пошевелиться. Слова Фатимы падали на меня, как камни, и каждый из них оставлял вмятину. Я смотрел на нее, на ее руки, сжимавшие миску, и понимал, что она говорит то, что не решился сказать Аслам. Она говорит о душе, а не о фактах.

— Он говорил о дочери, — продолжила Фатима, и голос ее дрогнул впервые. — Он говорил о ней так, будто она была единственным светом в его жизни. Он сказал мне: «Фатима, я хочу, чтобы она знала: ее отец не сдался. Я хочу, чтобы она гордилась мной. Чтобы она верила, что если идти к цели, то можно достичь всего».

Я спросила его: «А что, если целью будет просто быть с ней?» Он посмотрел на меня, и я увидела, как его глаза наполнились слезами. Но он не заплакал. Он сказал: «Я не знаю, как быть просто отцом. Я научился быть героем. А быть человеком — это труднее».

Она замолчала и протянула мне миску с супом (дал) — я не заметил, когда она успела перелить его из глиняной посуды в жестяную кружку, — и я взял ее, чувствуя тепло, которое разливалось по ладоням. Я поднес кружку к губам и сделал глоток. Жгучий, пряный, густой — в нем была жизнь, которую он так хотел сохранить.

— Ты найдешь его, — сказала Фатима, и в голосе ее прозвучала уверенность, которой я не ожидал. — Не тело — его тело забрала гора. Ты найдешь его душу. Она все еще там, на снегу, где он оставил ее, когда понял, что не вернется.

Он искал свободу, Джеймс. Он думал, что вершина даст ему свободу. Но свобода была не там. Свобода была в том, чтобы сказать «нет». И он так и не научился этому.

Она повернулась и ушла, растворившись в сумерках, как тень. Я остался один на мосту, сжимая теплую кружку, и смотрел на воду, которая все текла и текла, не останавливаясь, не спрашивая ни о чем.

Вкус дала все еще был у меня на губах — теплый, пряный, живой. И я понял, что Нирмал пил этот же суп, сидел у этого же костра, смотрел на эти же звезды. И что-то в нем умерло еще до того, как лавина накрыла его.

Я допил суп до последней капли и поставил кружку на перила моста. Пора было возвращаться в гестхаус. Завтра меня ждала дорога вверх — туда, где снег хранит следы чужих шагов.

Туда, где среди льда и камня, возможно, все еще ждет ответ. И я принесу его обратно — не для газет, не для заголовков. Для Сары. Для Ааруши. Для Нирмала, который так и не научился говорить «нет».

Я сделал шаг с моста, и за спиной остался Скарду, залитый лунным светом, с его рекой, горами и людьми, которые несли в себе чужие тайны. Впереди была тишина и холод. Впереди была правда.

Глава 5. Путь в Базовый лагерь

Скарду — Асколе — ледник Балторо — Базовый лагерь Броуд-Пик. Сентябрь 2026 года

Рано утром я вышел из гестхауса. Город еще спал, и улицы Скарду были пусты. Я сел в джип, который должен был довезти меня до Асколе — последнего поселка перед тем, как дорога окончательно исчезает, уступая место пешим тропам.

Дорога из Скарду в Асколе была адом. Шесть часов тряски по каменистой дороге, которая вилась по краю обрыва, то поднимаясь вверх, то ныряя вниз, к руслу высохшей реки. Джип подпрыгивал на камнях, и каждый удар отдавался в позвоночнике, как удар молота.

Я смотрел, как Скарду исчезает за спиной, уступая место бесконечным полям и темным силуэтам холмов, которые постепенно перерастали в горы. Мы ехали на север. Туда, где воздух становился тоньше, а небо — выше.

Каждый километр давался с трудом. Дорога вилась по краю обрыва, петляла между валунами, то поднималась вверх, то ныряла вниз, к руслу высохшей реки.

Водитель, сухой и жилистый пуштун с седой бородой, крутил баранку с той спокойной уверенностью, которая приходит только после тысяч километров по этим дорогам. Он не смотрел в пропасть. Он знал каждую трещину, каждый камень, каждую опасную петлю.

А я смотрел. Я смотрел на долину Шигар, которая разворачивалась под нами, как древняя карта. Река Шигар, мутная и ледяная, несла свои воды через долину, и я видел, как она петляет между скалами, оставляя за собой след из зеленых полей и деревьев, которые цеплялись за жизнь на этом суровом склоне.

Где-то вдалеке, над вершинами, уже угадывались белые пики Каракорума — первые признаки того мира, куда я направлялся.

Я думал о том, что Нирмал ехал по этой же дороге. По той же дороге, по которой они возвращались в последний раз.

Когда мы наконец добрались до Асколе, я понял, что оно того стоило. Асколе встретил нас тишиной. Это была крошечная деревня, прилепившаяся к склону, как птичье гнездо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.